

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

МЕЛЬНИЧУК А. С.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА IX МЕЖДУНАРОДНОМ
СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ *

Состоявшийся 7—13 сентября 1983 г. в г. Киеве IX Международный съезд славистов был одним из наиболее представительных славистических съездов. В его работе приняли участие 1846 человек из 26 стран Европы, Азии, Америки и Австралии. На съезде было прочитано и обсуждено 514 докладов.

На пленарном заседании, посвященном открытию съезда, после завершения официальной вступительной части было заслушано три научных доклада: «Киев и его вклад в развитие славянских народов и в мировую культуру» (акад. Б. А. Рыбаков), «Тургенев и Марко Вовчок» (Б. Крефт, СФРЮ) и «Древность и современность о Ю. Крижаниче» (Й. Хамм, Австрия). Все последующее время работа съезда была распределена между пятью секциями: «Языкознание», «Литературоведение», «Литературно-лингвистическая проблематика», «Фольклористика» и «Историческая проблематика».

Как и на предыдущих съездах, секция «Языкознание» была наиболее многочисленной. На ее заседаниях было прочитано 199 докладов, вызвавших свыше 600 выступлений участников дискуссии. Шесть докладов — О. Н. Трубачева, К. Горалека (ЧССР), П. Ивича (СФРЮ), Д. Ворта (США), Э. Станкевича (США), В. М. Русановского и В. В. Нимчука, — посвященных различным вопросам языкознания, были вынесены на пленарное заседание секции. Остальные доклады читались на заседаниях пяти подсекций, работавших параллельно.

Представленные на лингвистическую секцию доклады отличались большим тематическим разнообразием. Значительное место в работе первой, сравнительно немногочисленной подсекции — «Праславянский язык в кругу других языков», — заняла комплексная проблема славянского этногенеза. Лингвистические аспекты этногенеза славян рассматривались в четырех докладах, различавшихся между собой как исходным материалом исследования — в том числе преимущественно лексическим, включая топонимию (О. Н. Трубачев), фонетическим (В. Т. Коломиец), фольклорно-мифологическим (Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров), культурно-историческим и фонетическим (К. Горалек), — так и главными выводами содержащими положения, с одной стороны, об изначальном пребывании славян на Среднем Дунае, об исконной диалектной расчлененности праславянского языка, о нереальности доисторического балто-славянского единства, о самобытности и постепенности фонетического развития праславянского языка и, с другой стороны, — о выделении праславян из балто-славянского единства в I тыс. до н. э. на небольшой территории между Днепром и Припятью, о взаимодействии фонетического развития прото-славянских говоров и праславянского языка с другими говорами и языками и т. д. Проблема славянского этногенеза рассматривалась также на основе археологических данных в четырех докладах, прочитанных на специальном заседании в секции «Историческая проблематика». Дискус-

* При фамилиях советских докладчиков в тексте обзора страна не указывается.

сия по докладам, прочитанным в обеих секциях, была продолжена на посвященном этой же проблеме заседании круглого стола, проходившем под руководством В. Хензеля (ПНР) и О. Н. Трубачева. Центральное место в дискуссии заняли вопросы методики исследования этногенеза. Выступившие в дискуссии 12 языковедов и 8 представителей смежных наук — истории, археологии, этнографии, антропологии — пришли к общему заключению о том, что решение проблем этногенеза требует интердисциплинарного подхода, причем первенствующее место должно быть отведено лингвистике. Что касается конкретного характера взаимосвязей между различными науками, то, по мнению большинства участников дискуссии, исследования должны проводиться в рамках каждой науки раздельно, и только на продвинутом этапе их результаты должны сопоставляться с данными других наук. Была высказана мысль о необходимости разработки проблемы славянского этногенеза на более широком фоне связей славян с другими этносами (В. В. Седов). Участники дискуссии касались конкретных вопросов доисторических балто-славянских отношений, локализации славянской прародины. Единого мнения по этим вопросам достигнуто не было. В связи с необходимостью их дальнейшей разработки было выдвинуто предложение о создании специального научно-информационного центра по этногенезу и комиссии при Международном комитете славистов.

Первостепенное значение лингвистических подходов для решения проблемы славянского этногенеза обусловило тесную связь ряда других прочитанных на подсекции докладов с докладами по этногенезу. Три из них были посвящены генетическим отношениям праславянского языка к широкому кругу других индоевропейских. В докладе Д. Брозовича (СФРЮ) излагалось понимание праславянского языка как результата вычленения из балто-славянского языка после окончательного распада индоевропейского праязыка. Доклад В. В. Мартынова содержал привлеченные для подтверждения гипотезы о висло-одерской прародине славян лексические данные, рассматриваемые в качестве результатов территориальных контактов праславянского языка с прагерманским, пракельтским, иранским и балто-славянским с итальянским. В. П. Нерознак, предложивший в своем докладе замену метода статической реконструкции доисторических явлений языка методом динамической ретрогностики, исходил из гипотезы о двух последовательных членениях индоевропейского праязыка — первичного (на древнеазиатский — анатолийско-индоиранско-греческий — и древнеевропейский диалектные континуумы) и вторичного членения древнеевропейского континуума на отдельные языковые состояния, среди которых было и общеславянское, локализовавшееся первоначально в северном Причерноморье. В ряде других докладов этого же цикла рассматривались специальные вопросы балто-славянских доисторических языковых отношений. Большинство докладчиков — У. Шмальштиг (США), Р. Эккерт (ГДР), А. П. Непокупный и др. — поддержало различные варианты положения об особой степени доисторической близости балтийских и славянских диалектов. Категорическое отрицание балто-славянского языкового единства содержалось только в докладе В. Маньчака (ПНР), который на основании количественных соотношений слов из текста библии, имеющих одну и ту же этимологию в старославянском, литовском и готском переводах, а также в переводах на другие славянские и романские языки, сделал вывод, что балто-славянский язык никогда не мог существовать и что структурная близость балтийских и славянских языков объясняется только их соседством.

Ряд прочитанных на подсекции докладов был посвящен рассмотрению состояния и развития различных участков отдельных уровней структуры праславянского языка, в частности, фонетики — Ш. Ондруш (ЧССР), В. К. Журавлев, П. Лиели (ВНР) — и словообразования — Ф. Славский (ПНР), Ж. Ж. Варбот, Р. В. Кравчук. В коллективном докладе Р. В. Булатовой, В. А. Дыбо и А. А. Зализняка, наряду с обобщением основных результатов разработки праславянской акцентологии на современном этапе, излагались принципы построения подготавливаемого докладчи-

маи фундаментального труда нового типа — праславянского акцентологического словаря.

Часть докладов касалась проблематики генетических соотношений с праславянским отдельных славянских языков — серболужицких (Г. Шустер-Шевц, ГДР), болгарского (С. Иванчев, НРБ), кашубско-словинского (Ф. Хинце, ГДР), а также реннеисторических контактов славянских языков с неславянскими в пределах балканского ареала (А. В. Десницкая), на южнославянской языковой территории (В. Г. Келару, СРР) и на территории Верхней Мизии (И. Дуриданов, НРБ). Лингвистическая проблематика балканского и южнославянского ареалов заняла центральное место и в коллективном докладе С. Б. Бернштейна, Л. А. Гиндина и Г. П. Клепиковой, в котором освещались основные направления ведущейся в настоящее время работы над «Общекарпатским диалектологическим атласом». На заседании подсекции с одобрением было встречено важное для славянского исторического языкознания новое лексикографическое начинание — «Этнолингвистический словарь славянских народных древностей», которому был посвящен доклад Н. И. и С. М. Толстых.

В подсекции «Языковая ситуация в Киевской Руси и взаимоотношение древнерусского письменного языка с другими языками» центральное место занимали доклады, посвященные одной из двух основных тем подсекции — функциональному соотношению и взаимодействию в Киевской Руси собственно древнерусского и старославянского литературных языков. В прочитанных докладах эта проблема единого решения не получила. Согласно одной из высказывавшихся точек зрения (Б. А. Успенский), в Киевской Руси имела место диглоссия, в которой письменную функцию выполнял церковнославянский язык, между тем как в роли разговорного выступал местный древнерусский язык, лишь в части случаев подвергавшийся письменной фиксации. В связи с этим развивалось положение о ненормативности языка древнерусских юридических документов и в недостаточной степени учитывалась литературная значимость древнерусских летописей. Более широкую поддержку получило представление о языковой ситуации в Киевской Руси как о церковнославянско-древнерусском двуязычии функционального характера. Доклад В. М. Русановского и В. В. Нимчука, основывавшийся на исходном положении о параллельном и независимом друг от друга возникновении древнерусского и старославянского языков, содержал характеристику распределения функций и структурного взаимодействия двух этих языков в Киевской Руси, а также подробный анализ результатов двух последовательных древнерусских редакций церковнославянского языка. Значительная часть доклада была посвящена рассмотрению процесса проникновения элементов древнерусского языка в русско-церковнославянский язык на материале текста Оршанского евангелия второй половины XIII в. На основании проведенного анализа в докладе делается вывод, что в обоих литературных языках поддерживались четкие нормы, обеспечивавшие их относительную чистоту и тормозившие процесс их взаимопроникновения. По мнению П. Филковой (НРБ), церковнославянско-древнерусское двуязычие в Киевской Руси сочеталось с письменно-разговорной диглоссией в сфере собственно древнерусского языка, т. е. под термином «диглоссия» в данном случае предлагалось понимать обычное единство литературной и разговорной форм одного и того же языка. Высказывалось и двойственное понимание языковой ситуации в Киевской Руси одновременно как двуязычия и как диглоссии. Была подчеркнута роль традиции в поддержании функционального размежевания церковнославянского и собственно древнерусского письменных языков (К. Д. Земан, ФРГ). На заседании подсекции обозначились терминологические расхождения в обозначении старославянского языка русского извода. В частности, было высказано возражение против употребления в этом значении формулировки «русская редакция староболгарского языка».

Часть прочитанных на подсекции докладов касалась вопросов последующего взаимоотношения русско-церковнославянского и древнерусского языков с другими языками, главным образом с употреблявшимся в южно-

славянских землях старославянским языком. Тематически сюда относился и доклад Д. Ворта (США) о втором южнославянском влиянии, вынесенный на пленарное заседание секции. В докладе получило дальнейшую конкретизацию предложенное уже другими исследователями (в частности, Ф. П. Филиным) понимание так называемого второго южнославянского влияния в письменном языке Московской Руси конца XIV—XV вв. не столько как результата южнославянского воздействия, сколько как проявления местной тенденции к восстановлению старой письменной традиции, восходящей к Киевскому периоду. Отдельные доклады были посвящены рассмотрению влияния русской письменной традиции на древнеболгарские (македонские) тексты XIII—XIV вв. (Б. Конески, СФРЮ) и на сербские тексты XIII в. (Й. М. Райнхарт, Австрия), а также принятия рускославянского языка в Сербии в XVIII в. (А. Младенович, СФРЮ).

В двух докладах рассматривались вопросы структуры живого древнерусского языка по данным отдельных памятников — Киевской летописи XII в. (А. С. Мельничук) и новгородских берестяных грамот (М. Думитреску, СРР). Был подчеркнут особенно последовательно выраженный древнерусский характер языка Киевской летописи и предпринята попытка характеристики фонетических особенностей древнерусского протографа сохранившегося списка 1425 г. Доклад о языке берестяных грамот содержал семантический и морфологический анализ лексики грамот. Выступивший в обсуждении этого доклада А. А. Зализняк сообщил ряд интересных результатов нового палеографического и лингвистического исследования грамот, в частности факты, свидетельствующие об отсутствии в говоре древнего Новгорода второй переходной палатализации заднеязычных.

С интересом был заслушан доклад М. Альтбауэра и М. Таубе (Израиль) о происхождении древнерусского перевода книги Эсфирь. Путем обстоятельной филологической аргументации в докладе подтверждено не принимавшееся до сих пор большинством исследователей мнение А. И. Соболевского о том, что этот перевод был сделан в Древней Руси на церковно-славянский язык не непосредственно с древнееврейского оригинала, а с греческого перевода. И. Тот (ВНР) в результате рассмотрения графики и орфографии древнерусских списков трех древнеболгарских рукописей — Слуцкой псалтыри, Реймского евангелия и русской части Саввиной книги — пришел в своем докладе к выводу о том, что в определенных культурных центрах Древней Руси существовали разные графические школы, отражавшие видоизменения древнеболгарской графики на Руси.

Заслушанные на заседании подсекции доклады и вызванная ими дискуссия привели к существенному уяснению ряда вопросов, касающихся проблемы языковых отношений древнерусского периода. Вместе с тем в ходе дискуссий неоднократно подчеркивалась необходимость более глубокого изучения фактического материала как основы для предпринимаемых в этой области теоретических обобщений.

Третья подсекция секции «Языкознание» — «Генетическое, типологическое и ареальное изучение славянских языков» — отличалась особым разнообразием и чрезвычайной дробностью тематики. Это объясняется в значительной степени тем, что под рубрику типологических исследований здесь был подведен ряд докладов, имевших чисто описательный характер или касавшихся различных теоретических вопросов грамматики славянских языков. На заседаниях подсекции было прочитано свыше 60 докладов, в обсуждении которых состоялось 125 выступлений. Общим вопросам, связанным с основной темой подсекции, был посвящен доклад Р. Лётча (ГДР) о соотношении генеалогической, типологической и ареальной классификации славянских языков и диалектов. В докладе проведена мысль о том, что ни один из трех подходов из-за объективных причин не может обеспечить последовательной классификации славянских языков, поскольку почти каждый выделяемый в таких случаях структурный признак либо оказывается свойственным не всем языкам, объединяемым в

соответствующую подгруппу, либо встречается спорадически и в языках других подгрупп. Дополнение одного подхода, в частности генетического, элементами другого, например, типологического, еще более усложняет общий результат. Поэтому приходится довольствоваться чисто условной, прагматической классификацией, учитывающей прежде всего генетический и ареальный аспекты и лишь с определенными ограничениями типологические отношения. Соотношения генетического и типологического аспектов сравнительного изучения отдельных явлений славянских языков касался и доклад Р. Крайчовича (ЧССР) о генетической интерпретации параллелизмов в славянских языках. Параллелизмы, т. е. новые структурные признаки, общие для двух или нескольких (не всех) славянских языков, предлагается рассматривать с точки зрения соотношения внутриструктурных источников и хронологических (в частности, доисторического, т. е. дописьменного, и исторического) этапов их возникновения.

Ряд докладов был посвящен генетическому объяснению различных явлений фонетики и грамматики славянских языков. Поскольку в этих докладах речь идет о параллельных явлениях периода раздельного существования славянских языков, ведущую роль в них играет учет общих для соответствующих языков внутриструктурных факторов возникновения рассматриваемых явлений. Так, например, в докладе М. Комарека (ЧССР) об историческом изменении $g > h$ в ряде славянских языков и диалектов рассматривается роль изменения $g > \gamma$ перед прорывными согласными (*noγti*) после падения редуцированных как фонетической предпосылки фонологического изменения $g > h$ и роль изменения возникшей из g перед $\check{e}(i)$ аффрикаты $d\check{z}$ в щелевую фонему $\check{z}$ (*nože*) как фонологического стимула перехода $g > h$. В докладе Дж. А. Дана (Великобритания) о конструкции «им. п. + инфинитив» делается вывод об общевосточнославянском характере этой конструкции и об отсутствии ее следов в остальных славянских языках. Важные уточнения и дополнения в существующее научное представление о процессах изменения и современном состоянии рефлексов o, e в закрытых слогах и рефлексов $\bar{i}$ в крайних западных говорах украинского и белорусского языков содержались в посвященном этому вопросу обстоятельном докладе В. Курашкевича (ПНР). Некоторые из докладов с преобладающим генетическим аспектом были построены в виде собственно исторических разработок на материалах различных периодов развития одного и того же языка или же языка и предшествовавшего ему праязыка. Так, например, доклад Р. Б. Кершисе, С. Е. Морозовой и М. Н. Преображенской содержал результаты выполненного докладчиками монографического исследования сложных синтаксических конструкций древнерусского и старорусского языков XI—XVII вв., характеризующихся различными служебными синтаксическими средствами связи (начинательными союзами *и, а*; синтаксическими частицами *же, бо, ли*; сочинительными союзами *и, а, но*; подчинительными союзами; союзами, соотнесенными с коррелятами, типа *когда—тогда*) и связанными с этими средствами семантико-синтаксическими и формальными особенностями сложных конструкций и их компонентов. Собственно исторические разработки содержались также в докладах К. Лиукконена (Финляндия) о происхождении русских отглагольных наречий на *-мя*, Дж. Николс и Дж. Шаллерт (США) о теме и реме в причастном обороте с «повышением субъекта» (типа «печеньѣзи мыньѣша князя пришьдьѣша») в древнерусском и общеславянском и др. К этой же группе примыкают доклады Г. А. Богатовой, В. Я. Дерягина и Г. Я. Романовой «Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова» и Г. Болокана, И. Робчука, А. Регуш и К. Регуша (СРР) «Словарь славяно-румынских грамот XIV—XVI вв.». Скорее к реконструкции праславянского языка, чем к изучению современных славянских языков, должен быть отнесен доклад Й. Русека (ПНР) о лексическом делении славянских языков, в котором на основе фактов, обнаруженных в южнославянских языках, обосновывается общеславянское распространение слов *baranъ, sosna, gribъ, suka, *vorobyъ* «воробей», *slimakъ*, считавшихся до сих пор севернославянскими диалектизмами. Непосредственно к области

исследования праславянского языка принадлежат доклады Я. Басары (ПНР) о праслав. **parǫ* и его реализации в славянских диалектах (по материалам ОЛА) и Т. Б. Лукиновой о лексике славянских языков, отражающей духовную культуру древних славян, который содержал, в частности, убедительное этимологическое объяснение слова *упырь* как сложения праслав. **ǫ* «не» и **pŭr-* «огонь, жечь», т. е. «несожженный (мертвец)».

Докладов, принадлежащих к чисто типологическому направлению, на заседаниях подсекции оказалось сравнительно немного. Это были доклады, в которых давались типологические или историко-типологические характеристики отдельных славянских языков или диалектов — украинского (Л. Дáže, ВНР), русинского (Э. Барич, СФРЮ), говоров русских старообрядцев в иноязычном окружении (И. Пабис, ПНР и Ц. Йотов, НРБ), а также излагались результаты сопоставительного изучения отдельных явлений словообразования и синтаксиса в славянских языках — доклад Й. Соколовского (ПНР) о распространенности прилагательных с префиксом *не-* в различных славянских языках, С. Вархола (ПНР) об экспрессивных образованиях с формантом *-ica* в восточнославянских языках в сопоставлении с польским (с учетом исторических данных), Г. А. Тагамлицкой (НРБ) о соотношении адъективных (предикативных) и адverbиальных или деепричастных (обстоятельственных) способов обозначения признака в предложениях болгарского и русского языков, Д. Вейсса (Швейцария) о типологических особенностях польского синтаксиса в сопоставлении с русским и чешским языками, Г. Г. Корбетт (Великобритания) о правилах согласования сказуемого с группой однородных подлежащих в различных славянских языках. Характер исследования языкового материала в этих докладах практически ничем не отличался от исследовательского подхода, преобладавшего в докладах на аналогичные темы, представленных на подсекцию по конфронтационной проблематике. Четыре доклада типологического плана касались уровня фонологии. Все они были выполнены на материалах славянских диалектов (коллективный доклад М. И. Ермаковой, Л. Э. Калынынь, Л. И. Масленниковой и Т. В. Поповой; доклады И. Кочева, НРБ; А. Зданюкевича, ПНР; Д. А. Яхича, СФРЮ). В докладе А. Басары, З. Тополинской и Х. Здуньской (ПНР) о фонетических рефлексах *ě* в славянских диалектах, выполненном на материале соответствующих карт ОЛА, преобладал ареальный аспект. На представленной в докладе обобщенной карте учтены только рефлексы *ě* в наиболее независимой позиции, для различных языков и диалектов определяемой неодинаково (чаще всего под ударением перед твердой согласной). В докладе подтверждается выдвинутое З. Штибером положение о том, что развитие *ě* в большинстве славянских языков пошло в направлении сужения.

Заметное место в работе подсекции заняло рассмотрение типологических особенностей и путей исторического развития славянских литературных языков: К. И. Трофимович «Преемственность в развитии норм западнославянских литературных языков», И. Манкен (ФРГ) «Существовал ли в Болгарии помимо староцерковнославянского языка особый устный культурный язык?», доклады Й. Пенчева (НРБ), Х. Станева (НРБ), Й. Хлоупека (ЧССР), Р. Ц. Русинова (НРБ). На поставленный в заголовке своего доклада вопрос И. Манкен отвечает утвердительно.

Ареальный аспект исследования наиболее непосредственно был представлен в докладе В. М. Мокиенко о проблемах ареального описания восточнославянской фразеологии и в четырех докладах, касавшихся проблематики балканского языкового союза (А. Минчевой, НРБ; Г. А. Цыхуна; П. Илиевского, СФРЮ; Х. Ожеховской, ПНР). Одно из центральных мест в этих докладах занимало рассмотрение фактов межъязыковых контактов и влияний. Эти же вопросы в качестве основных рассматривались в ряде других докладов, посвященных межславянским языковым взаимоотношениям (доклады С. Урбаньчика, ПНР; Т. Курочичко, ПНР; В. Р. Жепки и Б. Вальчака, ПНР; А. Золтана, ВНР; А. Ковальской, ПНР; И. Соколовского, ПНР; Р. Ленчека, США; Я. Дорули, ЧССР;

Т. А. Цивьян и Т. М. Судник и др.). Аналогичная тематика обсуждалась и в докладах, представленных на подсекцию, посвященную конфронтационному изучению славянских языков (А. Шенкер, США; Б. Фалиньская и А. Ковальская, ПНР; Е. Георгиева, НРБ; И. Тарнавецкая, Канада; Л. Кузьмин, Австралия; Т. Пристли, Канада; Р. Олеш, ФРГ). Большинство этих докладов отличалось новыми подходами к рассматривавшимся в них вопросам.

Ряд докладов касался вопросов славянской топонимии (В. П. Лемтюгова; Х. Бореk, ПНР; Э. Эйхлер, ГДР; К. Рымут, ПНР) и антропонимии (В. А. Никонов; М. Карплюк, ПНР). На подсекции был заслушан также доклад В. Любася (ПНР), в котором предлагалось применение в славянском языкознании компаративной социолингвистики как метода исследования. Отдельные доклады были посвящены серболужицкой диалектологии (С. Михалк, ГДР), морфологическим особенностям отдельных групп языков (Р. Александер, США; Й. И. Бьорнфлатен, Норвегия), семантике (Ф. Ионесиге, Япония; М. Митков, СФРЮ) и др.

Четвертая лингвистическая подсекция — «Конфронтационное изучение фонологии, грамматики и лексики современных славянских языков» — по количеству представленных на нее докладов оказалась настолько обширной, что ее пришлось разделить на две половины и проводить параллельные заседания с тематически разными докладами в двух отдельных залах. В общей сложности здесь состоялось 23 заседания, на которых было прочитано 77 докладов, вызвавших интенсивную дискуссию (283 выступления). Тематика докладов этой подсекции по сравнению с предыдущей характеризовалась большей компактностью. Свыше половины прочитанных здесь докладов касалось вопросов конфронтационного изучения лексики и семантики, синтаксиса и словоизменения.

Теоретические основания направления в целом затрагивал доклад А. В. Бондарко «Проблемы и методы сопоставительного изучения грамматических категорий в славянских языках», в котором рассматривалось распространение на конфронтационное исследование языков принципов функциональной грамматики, в частности применение к этому исследованию разрабатываемого докладчиком понятия функционально-семантического поля. В докладе Я. Мистрика (ЧССР) подчеркивалось усиление конвергентных тенденций на современном этапе развития славянских языков. В докладе С. ван Схонефельда (США) излагалась оригинальная теория морфологических и лексико-семантических структур славянских языков, согласно которой семантическая структура каждого славянского языка состоит из небольшого количества (возможно, шести) семантических компонентов, повторяющихся в различных категориях лексики и грамматики.

Среди докладов, посвященных вопросам конфронтационного изучения лексики и семантики, особого внимания заслуживает доклад А. Е. Супруна «Сопоставительное (конфронтационно-типологическое) изучение лексики славянских языков», в котором выдвинуто понятие типа лексикона, рассчитанное на всестороннюю типологическую характеристику лексического состава языка по ряду формальных, количественных и семантических параметров. К этой же группе принадлежали доклады И. Червенковой (НРБ) «К специфике сопоставительного исследования близкородственных языков (на материале русского и болгарского языков)», И. Филиппа (ЧССР) «Проблемы конфронтационной синонимии в современных славянских языках», Р. М. Цейтлин «Сравнительная лексикология славянских языков X—XIV вв. (Проблемы и методы)», Л. С. Паламарчука, И. Ф. Андерша, И. А. Стоянова «Сопоставительное исследование лексико-семантических отношений в славянских языках», а также Б. Маркова (СФРЮ), Э. Секаниновой (ЧССР), Т. Мориясу (Япония), Л. Вильске (ГДР), Й. Матияшевич (СФРЮ), Г. Г. Бильфельда (ГДР), О. Яшар-Настевой (СФРЮ), Е. Фодор (СРР) и др. В выступлениях участников дискуссий высказывалась мысль о необходимости расширения координируемых работ по сравнительному изучению лексики славянских языков при едином общем руководстве.

Почти столь же многочисленными были доклады по сопоставительному изучению синтаксиса. Отличительной чертой значительной части этой группы докладов была последовательная увязка особенностей формально-синтаксической структуры с общесемантическим уровнем предложения, проводимая в основном с позиций различных вариантов генеративной грамматики или близких к ней семантико-синтаксических концепций, в том числе с применением математической методики. Так, например, сложные вопросы соотношения субъектных значений инфинитивных и деепричастных оборотов с субъектом основного предложения в русском и других славянских языках решались в докладе Р. Ружички (ГДР). К этой же группе принадлежали доклады Р. Зимека (ЧССР) «Структурно-семантические типы высказываний в русском языке», Р. Мравека и С. Жажи (ЧССР) «Понятие субъекта с точки зрения типологии славянского предложения», А. ван Холька (Нидерланды) «Безличный агент в славянских языках», Э. Гайичовой, Й. Панековой и П. Сгалла (ЧССР) «Структура предложения и актуальное членение в славянских языках со сравнительной точки зрения». Однако в большинстве докладов на синтаксические темы, содержавших ряд новых наблюдений и обобщений, преобладал обычный описательно-сопоставительный подход, иногда с учетом исторической перспективы. Такой характер имели доклады К. Штайнке (ФРГ) «К синтаксису количественных числительных в русском, польском и болгарском», Э. Кайзер (ФРГ) «Конфронтативный анализ семантики и функций славянских предлогов», А. Сато (Япония) «Пассивные конструкции с причастием совершенного вида в польском и русском языках», А. Мустайоки (Финляндия) «Системные расхождения в глагольном управлении в русском и финском языках», К. Давидсона (Норвегия), Ф. Данеша и З. Главсы (ЧССР), Б. Корубина (СФРЮ), Р. Конрада (ГДР), К. Костова (ГДР), Э. Ведель (ФРГ).

Из докладов, касавшихся морфологической проблематики, общесемантический уровень был охвачен в одном лишь докладе Х. Беличовой-Кржижковой (ЧССР) «Интенциональная структура предиката и категория падежа в современных славянских языках», в котором одно из центральных мест занимают и вопросы семантической структуры предложения. Актуальным общим вопросам сопоставительной морфологии были посвящены доклады А. Г. Широковой «Вторичные функции грамматических категорий в славянских языках. Проблемы транспозиции» и Л. Н. Смирнова «Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии». Более частные вопросы рассматривались в докладах Т. Матиассена (Норвегия) «Родовая „иерархия“ и опозиции „маркированности“: „демаркированности“ в славянских и балтийских языках», Я. Петра (ЧССР) «Славянские краткие прилагательные», В. Васченко (СРР), М. Савича (СФРЮ), М. Кравара (СФРЮ), Г. Марвана (Австралия) и др.

Отдельных вопросов конфронтативной фонологии касались представленные на подсекцию доклады Я. Сабола (ЧМССР) «К проблематике нейтрализации фонологических противопоставлений в славянских языках», В. Шпербера (ГДР) «Группы согласных в начале и в конце словоформ в славянских языках», Й. Топоришича (СФРЮ), Б. Видоеского (СФРЮ), Й. Гвоздановича (Нидерланды), Г. Невекловски (Австрия); вопросы словообразования рассматривались в докладах В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков», М. Ивич (СФРЮ) «О некоторых принципах глагольной префиксации в славянских языках», Б. Крея (ПНР) «Проблема словообразовательных моделей», М. Стаматоского (СФРЮ) «Некоторые характерные антропонимические суффиксы у славянских народов»; вопросам фразеологии были посвящены доклады М. Басая (ПНР) «Актуальные проблемы фразеологии», К. Ничевой (НРБ), Б. Реяковой (ПНР) и др. В отдельных докладах рассматривались вопросы взаимоотношения лексики и грамматики (К. Иванова, Л. Лашкова и П. Баракова, НРБ), категория определенности — неопределенности в болгарском, английском и русском языках (С. В. Чвани, США), особенности строения разговорной речи (Е. А. Земская), проблема реконструкции дославянских субстратных языков на

основе славянских субстратных элементов (О. Б. Ткаченко), системные признаки афатических расстройств (Х. Межеевская, ПНР), взгляд И. А. Бодуэна де Куртенэ на историческое формирование артикуляционной базы (Ж. Дюрен, Франция).

На заседаниях пятой подсекции — «Развитие современных восточнославянских литературных языков» — было прочитано 10 докладов. Общей проблеме, вынесенной на обсуждение подсекции, был посвящен доклад Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко «Основные тенденции внутриструктурного развития и взаимодействия современных восточнославянских литературных языков». В докладе выделены две пары общих для современных восточнославянских литературных языков взаимодействующих противоположных тенденций развития: в рамках каждого отдельного языка — ведущая тенденция к дальнейшей дифференциации образований и форм и противоположная ей тенденция к унификации, регулярности форм, устранению вариантности и дублетности; в отношениях между тремя языками — ведущая тенденция к развитию параллелизма лексико-семантических, словообразовательных и словоизменительных процессов и противоположная ей тенденция к размежеванию средств словообразования и словоизменения. Общим тенденциям развития современного русского языка был посвящен доклад А. Бартошевича (ПНР), в котором выделяются тенденции к усилению компрессии и росту аналитизма, к дальнейшей интеллектуализации и демократизации языка, к обобщению и дифференциации языковых средств выражения. Вопросам развития русского литературного языка были посвящены также доклады Г. Хютль-Фольтер (Австрия) «Проблематика языкового наследия в русском литературном языке нового времени» и Х. Флекшптейна (ГДР) «Проблемы развития русского литературного языка во второй половине XVIII в.». Доклад К. Гутшмидта (ГДР) «К вопросу о развитии стиля белорусской прозы (в сравнении с русской и украинской прозой)» содержал в основном анализ стилистической роли имен собственных в произведениях белорусской художественной литературы дооктябрьского периода. Остальные представленные на эту подсекцию доклады касались частных вопросов синтаксиса восточнославянских литературных языков (С. Акинер, Великобритания; С. П. Георгиев, НРБ; М. Гиро-Вебер, Франция; В. Гладров, ГДР) и системы грамматических терминов в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (Дз. Сато, Япония).

Лингвистические аспекты в различной степени проявлялись и в большинстве докладов, прочитанных на секции «Литературно-лингвистическая проблематика». Ряд таких докладов был представлен на заседаниях подсекции «Вопросы семантической и формальной структуры словесного искусства у славян». В частности, доклад К. Гаузенбласа и А. Мацуровой (ЧССР) «От языка и тематики к стилю и смыслу (Некоторые вопросы изображения субъекта и мира)» касался вопроса о различных уровнях коммуникации в семантико-стилистической структуре текста художественного произведения — первичной коммуникации (уровня авторской речи) и вторичной и т. д. коммуникации, проявляющейся в семантике первичной коммуникации. В докладе Н. А. Нильсона (Швеция) проведено сопоставление стилистического синтаксиса А. П. Чехова и И. Бабеля. Различные вопросы теории стиха рассматривались в докладах Т. Икмана (США) «Верлибр в славянской поэзии», З. Гауптовой (ЧССР) «Старославянский стих в отношении к стиху византийскому» и Я. Корженского (ЧССР) «Взаимоотношения семантической, грамматической и стихотворной структуры поэтического текста».

В специальную подсекцию была выделена проблематика теории художественного перевода, межславянского художественного перевода, переводов с неславянских языков на славянские и со славянских на неславянские. Важные теоретические положения и выводы содержались в докладах П. М. Топера «Актуальные вопросы теории художественного перевода», А. Р. Волкова, А. И. Гайничеру, И. П. Мегелы «Проблемы художественного перевода с неславянских языков на славянские», Г. Егера (ГДР), В. К. Житника, Е. М. Верещагина и мн. др.

Значительное внимание на секции было уделено текстологическим проблемам славянских языковых и литературных памятников. Два доклада по этой тематике были вынесены на пленарное заседание секции. В одном из них — докладе М. Копецкого (ЧССР) «Текстологические проблемы славянских языковых и литературных памятников» — было сконцентрировано внимание на вопросах, касающихся исходного текста, на сравнительном аспекте текстологической работы и на некоторых особенностях исследования языковых памятников. На пленарном заседании был прочитан также доклад Г. Михаилэ (СРР) «Славяно-румынские рукописи и издания письменных памятников южных славян». В докладе П. Вашака (ЧССР) «Системная текстология» излагалось разработанное автором на основе кибернетических принципов понимание общей модели текстологии как системы «автор — текст — общество», состоящей из двух подсистем: «становление и расширение текста» и «восприятие произведения». В докладе Л. П. Жуковской представлены результаты проведенного докладчиком текстологического и лингвистического исследования «Пролога» (избранные византийские, русские и инославянские статьи). Доклад Э. Чино (Япония) содержал сравнительный анализ нескольких текстов старославянских псалтырей. Был прочитан также доклад В. Десподовой (СФРЮ) «Сходства и различия в двух основных типах южнославянских полных апракосов» и др.

К лингвистической области принадлежали доклады Х. Шаллера (ФРГ) «Сравнительные аспекты лингвистики текста русского и других славянских языков», Г. Кьетсо (Норвегия) «Норма поэтического языка пушкинского времени. Опыт сопоставительного анализа» и некот. др.

На заседании круглого стола, посвященном Юрию Крижаничу, проходившем под председательством Й. Хамма (Австрия) и А. Н. Робинсона, было прочитано 10 докладов и сообщений. В них были рассмотрены разнообразие и богатство содержания трудов Ю. Крижанича (В. В. Зеленин), значение его работ в области акцентологии (А. Пецо, СФРЮ), значение трудов Ю. Крижанича для исторической лексикологии славянских языков (Г. В. Судаков), лингвистические аспекты философии Ю. Крижанича (Э. В. Жулинская), замечания Ю. Крижанича на полях «Кирилловой книги» (И. Голуб, СФРЮ), оценка деятельности Ю. Крижанича акад. А. А. Шахматовым (В. И. Макаров) и другие вопросы.

Практически все доклады, представленные на съезд, были предварительно опубликованы национальными комитетами славистов в специальных сборниках, номерах периодических изданий или в виде отдельных брошюр. Опубликован также сборник резюме всех докладов (Резюме докладов и письменных сообщений. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. М., 1983). Материалы состоявшейся на съезде дискуссии готовятся к печати.

Работа секций языкознания и литературно-лингвистической проблематики проходила в обстановке делового и научно объективного подхода к рассматриваемой проблематике. Доклады и выступления были в целом свободны от необоснованных теоретических построений и односторонних увлечений какими-либо модными методологическими течениями. Это обстоятельство может рассматриваться в качестве непосредственного проявления все более последовательной общей методологической ориентации современного славянского языкознания на реалистический, соответствующий принципам диалектического материализма учет действительных фактов языка в их разноаспектных внутренних и внешних системных связях и в их историческом развитии.